ДИСКУССИИ

УЛОВКИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭКВИЛИБРИСТИКИ

А.А. ФЁДОРОВ

Обсуждается ответ М.С. Гусельцевой на комментарии А.А. Фёдорова, в которых он подверг критике периодизацию истории психологии посредством типов рациональности, выраженных схемой «тезис – антитезис – синтез». Показано, что в этих комментариях нет найденных М.С. Гусельцевой ошибок. Указывается, что типы рациональности в подходе М.С. Гусельцевой представляют собой метафорические и неточные понятия, а потому не могут функционировать как идеальные типы. При этом только постоянная проверка фактами позволяет сохранить различие между идеальной моделью и действительностью. В заключение отмечается различие между стилями и жанрами в науке и формулируется идея о том, что несоответствие интеллектуальных стилей зачастую является лучшим способом проверить теорию.

Ключевые слова: история науки, тип рациональности, идеальный тип, красота теории.

Я бы хотел начать свои «комментарии второго порядка» с благодарности журналу «Вопросы психологии». М.С. Гусельцева абсолютно права, когда говорит о важности свободной научной дискуссии для развития психологической науки. Показательно, что М.С. Гусельцева в первых строках своего ответа пишет о том, что я предложил некий особый жанр – «комментарий к статье». Со своей стороны замечу, что публикация комментариев к научным статьям – самая обычная практика в зарубежных научных психологических журналах. Более того, *Behavioral and Brain Sciences*, один из ведущих журналов в области поведенческих наук, организован таким образом, что в каждом номере публикуется лишь одна статья, за которой следует от 10 до 25 комментариев, сопровождаемых ответами автора на них. Можно упомянуть и научную дискуссию, которая разгорелась во второй половине XIX в. на страницах «Вестника Европы» между К.Д. Кавелиным и И.М. Сеченовым. Поэтому я не могу, как бы это ни было лестно, согласиться с тем, что жанр «комментарий к статье» был предложен мной, но скажу, что работаю в этом жанре с большим удовольствием, поскольку он способствует открытому обсуждению научных идей.

М.С. Гусельцева обозначила два направления моей критики: 1) соотношение ее авторской концепции и концепции типов рациональности В.С. Стёпина; 2) критика схемы «тезис – антитезис – синтез» в контексте ее применимости для описания эволюции психологического знания.

ЯСНОСТЬ

Я не уверен, распространяется ли на меня действие «презумпции ума» (впрочем, я этого и не прошу), но хочу заверить, что я никогда не смешивал концепции типов рациональности М.С. Гусельцевой и В.С. Стёпина. В своих комментариях я отметил: «... то, как М.С. Гусельцева определяет эти типы, существенно расходится с тем, как их понимал В.С. Стёпин» (Фёдоров, 2014, с. 99). В этих словах не содержалось никакого скрытого упрека, подразумевающего должность или необходимость такого соответствия, но я посчитал правильным зафиксировать этот факт. Более того, большая часть моих комментариев исходила из того, *как я по-*

нял авторскую концепцию, изложенную в статье М.С. Гусельцевой (что я тоже эксплицитно обозначил). В этом смысле она совершенно права, когда говорит, что в своих комментариях я обсуждаю собственную конструкцию ее представлений (*разве могло быть иначе?*), но не соглашусь с тем, что моя конструкция является ошибочной в контексте конкретной статьи, которую мы обсуждаем.

В любом случае я благодарен М.С. Гусельцевой, что она в своем ответе еще раз явно обозначила содержательное различие своей модели типов рациональности с концепцией В.С. Стёпина. В этой связи я хотел бы обратить внимание на следующие слова: «несмотря на вводящее в заблуждение сходство терминов, модель типов рациональности, характеризующая “внешнюю” смену парадигм, вовсе не идентичная их “внутренней динамике”» (Гусельцева, 2014, с. 86). *Post factum* также указывается на то, что «термины “классика”, “неклассика” и “постнеклассика” здесь используются для того, чтобы обозначить различие с этапами общей эволюции психологического знания – классическим, неклассическим и постнеклассическим» (Там же, с. 85). Иными словами, тип рациональности в психологии в целом и тип рациональности в конкретной парадигме – разные конструкты. М.С. Гусельцева пишет о вводящем в заблуждение «сходстве терминов», хотя корректней было бы говорить о вводящем в заблуждение *тождестве* терминов. Указанное различие между «классикой» / «классическим этапом», «неклассикой» / «неклассическим этапом» и «постнеклассикой» / «постнеклассическим этапом» в статье также строго не выдерживается. В ней, например, есть пояснение, что «классическая рациональность есть классика в вышеозначенном смысле слова (установление канона)» (Гусельцева, 2013а, с. 7). Более того, прямо пишется (и в своих комментариях я эти слова привожу), что «сменяющие друг друга типы рациональности характеризуют не только эволюцию парадигм, но и динамику внутри парадигм» (Там же, с. 10). Вероятно, мне не дано постигнуть тонкости терминологической эквилибристики, когда выстраиваются разные модели («внешняя» и «внутренняя»), использующие одинаковые термины, которые оказываются наделены различным содержанием.

В этом контексте должен заметить, что в своих комментариях я все же *уловил* декларируемое различие между «внешней» и «внутренней моделями». М.С. Гусельцева приводит первую часть третьего пункта из списка, в котором я подытожил направления своей критики: «Схема “тезис–антитезис–синтез” лишает содержания концепцию развития науки посредством смены типов рациональности» (Фёдоров, 2014, с. 103–104). И далее я пишу: «Так, любой “антитетический” этап объявляется неклассическим, даже если очевидно, что в нем нет признаков неклассической рациональности. Например, “неклассические” подходы Б. Скиннера и Дж.Ст. Милля, если использовать критерии В.С. Стёпина, являются образцами классического мышления. В общем виде, эволюция парадигмы не обязательно подразумевает эволюцию рациональности» (Там же, с. 104). М.С. Гусельцева в своем ответе пишет, по сути, то же: «...ассоциативная психология относится к классическому этапу развития науки в целом (*что можно соотнести с критериями типов рациональности В.С. Стёпина*), но внутри нее выделяются собственные классика, неклассика и постнеклассика (*где речь идет совсем про другое* – канонический, критический и синтетический (предполагающий размывание «чистых линий») этапы развития знания внутри ассоциативной парадигмы)» (курсив мой. – *Ф.А.*) (Гусельцева, 2014, с. 89). И я, и М.С. Гусельцева видим в этом пункте различие между «внешней» и «внутренней» динамикой, но если я прямо пишу, что эволюция парадигмы не обязательно подразумевает

эволюцию рациональности, М.С. Гусельцева просто вкладывает в термин новое содержание, – и возникает то самое «введение в заблуждение», когда теми же словами «речь идет про совсем другое». В чем смысл связывать «канонический этап» с классической рациональностью, «критический» – с неклассической, а «синтетический» – с постнеклассической[1]? Если критика предшествующих парадигм и есть признак «неклассической рациональности», то любой критик предшествующей теории тем самым «поднимается» над тем, кого критикует, на следующий этап рациональности. Но при чем тут эволюция рациональности? Зачем здесь вообще использовать термин «рациональность»? На мой взгляд, подобная словесная эквилибристика в научном отношении бесплодна. Расширяя объем термина, мы делаем его стерильным. Как писал Л.С. Выготский (1982, с. 308), «объем понятия растет и стремится к бесконечности, по известному логическому закону содержание его столь же стремительно падает до нуля». Таким образом, я полагаю, что мое критическое замечание остается в силе: *эволюция парадигмы не обязательно подразумевает эволюцию рациональности*. Словесная эквилибристика, которая позволяет свободно реинтерпретировать термины, делая их еще более неопределенными и неясными, на мой взгляд, ответом не является. Впрочем, насколько я понял, «в постнеклассической гуманитаристике – это, напротив, достойная похвалы эвристика» (Гусельцева, 2014, с. 87). Мне же ближе следующие две максимы Л. Вовенарга, тесно связанные друг с другом: «Где темен стиль, там царствует заблуждение» и «Вырази ложную мысль ясно, и она сама себя опровергнет» (1988, с. 151).

[1] Еще раз приведу цитату, чтобы меня вновь не упрекнули в упрощении: «Если классическая рациональность есть классика в вышеобозначенном смысле слова (установление канона), то неклассическая рациональность – это критика, поскольку здесь происходят ревизия знания, отталкивание от классической парадигмы, пересмотр классики <...> Что такое постнеклассическая рациональность? Это синтез» (Гусельцева, 2013а, с. 7).

ТОЧНОСТЬ

Большая часть моих комментариев была связана с критикой применимости схемы «тезис – антитезис – синтез» к реальному развитию психологии в целом и психологических школ в частности. М.С. Гусельцева делает в этой связи два интересных замечания.

1. Она пишет, что в действительности в статье речь идет о схеме «синкрет – дифференциация – синтез», а схема «тезис – антитезис – синтез» «является здесь частностью, а не сутью дела. Поэтому дальнейший критический разбор А.А. Фёдоровым этой триады в приложении к содержанию моей статьи утрачивает актуальность (он сражается с ветряными мельницами). Критика схемы триады бьет мимо мишени, ибо данная схема для меня иллюстративна, а не принципиальна» (Гусельцева, 2014, с. 85). Эта позволяет ей не отвечать на мою критику, более того, оказывается, что «это дополнительный штрих, а вовсе не опорный камень периодизации: если его убрать, конструкция не пострадает» (Там же). Я же, напротив, полагаю, что замена одной триады на другую в контексте моей критики малозначима. Попытаюсь это прояснить.

Во-первых, если триада «тезис – антитезис – синтез» всего лишь штрих, почему раздел статьи сформулирован «Три типа рациональности: тезис – антитезис – синтез», а не в терминах принципиальной схемы: «Три типа рациональности: синкрет – дифференциация – синтез»? Если бы я сосредоточил свою критику на схеме «синкрет – дифференциация – синтез», не упрекнули бы меня в том, что в статье речь идет о схеме «тезис – антитезис – синтез», апеллируя к тому, что именно она вынесе-

на в название раздела? И что делать с аннотацией к статье, которая призвана передавать суть содержания? В ней нет ни слова о схеме «синкрет – дифференциация – синтез», но прямо говорится, что «отношения между классикой, неклассикой и постнеклассикой строятся по принципу: тезис – антитезис – синтез» (Гусельцева, 2013а, с. 3). И в самой статье эти триады смешиваются таким образом: «типы рациональности, сменяющие друг друга по модели “тезис/классика (канон) – антитезис/критика (дифференциация, ревизия) – синтез/кризис (сверхрефлексивность)”» (Там же, с. 14). На мой взгляд, это не может не вводить в заблуждение, более того, заставляет усомниться в том, что критика триады «тезис – антитезис – синтез» бьет мимо мишени. Но признаю, что это открывает дополнительные возможности для эквилибристики.

Во-вторых, вопреки тому, что М.С. Гусельцева упрекает меня в неправомерности сведения ее конструкции к этой схеме, я в своих комментариях всегда оговариваю, что понимаю эту триаду именно так, как это оговаривается в статье: тезис как установление канона (синкрет?), антитезис как критику канона (дифференциация?), а синтез – как синтез. И на примере ассоциативной психологии показываю, что в ней как минимум проблематично выделение канонического (в смысле единомыслия) этапа и описание теории Дж.Ст. Милля как критики этого канона. На примере бихевиоризма я показываю, что в нем сопряжено с проблемами как выделение трех этапов эволюции, так и нахождение синтетических теорий. Обращу внимание на следующее. В своей статье М.С. Гусельцева указывает, что «постнеклассическая психология пытается соединить как классические концепции, так и неклассические» (речь идет, судя по всему, о «внутренней» динамике) (Там же, с. 7). Я в своих комментариях пишу, что теория А. Бандуры не синтезирует «классическую» концепцию Дж. Уотсона и «неклассические» теории К. Халла, Э. Толмена и Б. Скиннера. Хочу заметить, что в этом рассуждении я остаюсь в поле «внутренней» динамики. В своем ответе М.С. Гусельцева указывает, что «тот факт, что А. Бандура позиционирует свой подход как социокогнитивизм (Фёдоров, 2014, с. 102), а историки психологии относят его к социальному и когнитивному бихевиоризму (Там же), нисколько не вступает в противоречие с моей конструкцией. Именно сложность отнесения концепции к однозначному направлению, будь то бихевиоризм, психоанализ, гештальтпсихология и т.д., есть яркий признак постнеклассики» (Гусельцева, 2014, с. 90). Эта логика рассуждения уже строится в контексте «внешней» динамики, хотя проблема состоит именно в обосновании синтетичности теории А. Бандуры для бихевиористской парадигмы (т.е. его неклассичности «внутри» бихевиоризма).

В-третьих, я ставлю под сомнение то, что описание как развития психологии в целом, так и ее школ укладывается в трехчленные схемы. И даже если речь идет не о триаде «тезис – антитезис – синтез», а о любой другой триаде (например, «синкрет – дифференциация – синтез»), это критическое замечание не теряет своей силы.

2. Помимо того что моя, на мой взгляд, обоснованная содержанием конкретной статьи критика схемы «тезис – антитезис – синтез» описывается как борьба с ветряными мельницами, М.С. Гусельцева пишет: «...понятие “идеальный тип” защищает меня от упреков в якобы фактологической недостоверности» (Там же, с. 89). Этот тезис направлен на обесценивание моей аргументации, которая строится на привлечении фактов, и вновь позволяет не учитывать мои аргументы.

В данном ключе я бы хотел заметить, что апелляция к понятию «идеального типа» и веберовской методологии не является щитом от упреков в фактологической недостоверности. Я сознательно

воздерживаюсь здесь от комментариев по поводу методологии «идеальных типов» (замечу лишь, что как отношение этого понятия к действительности, так и его использование М. Вебером и его последователями сопряжено с путаницей, а сама методология идеальных типов не раз выступала мишенью для критики). Выдвину лишь два аргумента, которые находятся в поле подхода самого М. Вебера.

Во-первых, М. Вебер пишет по поводу использования идеальных типов для описания исторической действительности следующее: «...конструируя идеальный тип или идеально-типическое развитие, исследователи часто пытаются придать им большую отчетливость посредством привлечения в качестве иллюстрации эмпирического материала исторической действительности. Опасность этого самого по себе вполне законного метода заключается в том, что историческое знание служит здесь теории, тогда как должно быть наоборот. Теоретик легко склоняется к тому, чтобы рассматривать данное отношение как само собой разумеющееся или, что еще хуже, произвольно подгонять теорию и историю друг к другу и просто не видеть различия между ними» (Вебер, 1990, с. 403). И продолжает: «Логический строй понятий, с одной стороны, и эмпирическое упорядочение понятого в пространстве, во времени и в причинной связи – с другой, оказываются тогда в столь тесном сцеплении друг с другом, что искушение совершить насилие над действительностью для упрочения реальной значимости конструкции в действительности становится почти непреодолимым» (Там же, с. 403–404)[2].

На мой взгляд, в своей статье М.С. Гусельцева совершает то, о чем предупреждает М. Вебер: подгоняет теорию и историю друг к другу, «совершая насилие над действительностью». Меня упрекают в том, что я постулирую должное тождество «между “реальным историческим процессом” и идеальной моделью эволюции психологического знания» (Гусельцева, 2014, с. 90), иными словами, не вижу различия между ними. Я, напротив, полностью понимаю и принимаю это различие, и именно это позволяет мне видеть, что реальная история не укладывается в идеальные схемы. Можно сравнить завершающие слова моих комментариев «История науки без философии науки слепа, но не стоит брать на себя “космические обязательства” по сведению сложной истории науки к сухим и, возможно, ошибочным философским схемам» (Фёдоров, 2014, с. 104)[3] и предупреждение М. Вебера, с которым я ознакомился позже.

Более того, нет никакой проблемы в том, чтобы сопоставлять идеальные типы и реальные факты – это не только правомерно, это во многом определяет содержание исторического анализа. Их несовпадение может действительно не представлять никакой опасности для идеального типа. Но только в том смысле, что идеальный тип не меняет свое содержание, а мы при этом признаем, что реальный процесс не соответствует идеально-типическому. Главная опасность заключается в том, что смешение идеального и действительного не позволяет увидеть многие нюансы в попытках «подогнать» историю и теорию. Собственно, фактологическая аргументация моей статьи и заключалась в том, чтобы показать их несоответствие. Замечу, что

---

[2] Рискуя вновь быть обвиненным в педантизме, замечу, что цитата Вебера, которая приведена в ответе М.С. Гусельцевой («Чем резче и однозначнее сконструированы идеальные типы, чем они, следовательно, в этом смысле более чужды миру, тем лучше они выполняют свое предназначение» (Вебер, 1990, с. 501)), в источнике отсутствует. Это действительно слова Вебера, но они из другой его работы и приводятся в предисловии П.П. Гайденко (Там же, с. 9). Впрочем, уверен, это ненамеренная ошибка.

[3] В них М.С. Гусельцева почувствовала «менторские интонации». Хочу уверить, что они там не предполагались и, возможно, были вложены не автором, а читателем.

в своих комментариях я не критикую сами конструкты (сиречь, «идеальные типы») в том числе и потому, что в рамках методологии М. Вебера они действительно защищены от проверки фактами (насколько это оправдано, другой вопрос). Я критикую то самое привлечение в качестве иллюстрации фактического материала, которое приводит к искажению представлений об эволюции психологического знания. В своей статье М.С. Гусельцева пишет о том, что «идеальная модель смены типов рациональности (классическая, неклассическая, постнеклассическая) может быть продемонстрирована в эволюции психологической науки в целом, на отдельных этапах ее развития» (2013а, с. 13). Я же указываю на ошибки, совершенные в ходе этой демонстрации, и эта демонстрация не защищена от упреков в фактологической недостоверности.

Неспособность увидеть различие между идеальной моделью и теорией не позволяет оценить, например, различия между авторами периода «классической рациональности», поскольку от них требуется «своего рода единомыслие» (Там же, с. 9). Поэтому без всякой аргументации пишется, что «классическая ассоциативная школа представлена учениями Д. Гартли, Т. Брауна, Дж. Милля-старшего» (Там же). В своих комментариях я показываю, что единомыслия не было. Равным образом, от «неклассиков» требуется критика канона, поэтому Дж.Ст. Милль осуществляет ревизию и на место «ментальной физики» ставит «ментальную химию». А фактически оказывается, что «ментальная химия» – это идея «классического периода», поэтому в данном пункте никакой ревизии и критики не было. И, на мой взгляд, нельзя от этой аргументации отмахнуться словами «вопрос, к какому этапу относится данный мыслитель [Т. Браун], возможно, и требует дополнительных изысканий, однако тот факт, что не только Дж.Ст. Милль вдохновлялся успехами химии, лишь подтверждает, что идеи механицизма стали сменяться идеями холизма, где целое обладало свойствами, не имевшимися у элементов. Это была важная неклассическая идея» (Гусельцева, 2014, с. 89). Я указываю, ссылаясь на анализ Г. Уоррена, что идея «ментальной химии» является неотъемлемой частью ассоциативной психологии (т.е. частью «канона»), и при этом в «классический период» работает автор «ментальной физики» (т.е. единомыслия не было). Тогда в чем состоит ревизия Дж.Ст. Милля? И на каком основании идея холизма признается неклассической?

Еще раз повторю: *процедура сопоставления идеальной модели с реальной историей не защищена от проверки фактами*, и именно постоянная проверка фактами позволяет сохранить различие между идеальной моделью и действительностью, которые в противном случае рискуют слиться. На этом основании я считаю, что от фактологической части моей аргументации нельзя «прикрыться» методологией идеальных типов, а сами мои попытки критически отнестись к описанию реальной истории психологической науки посредством схемы смены типов рациональности свидетельствуют о том, что я отчетливо вижу различие между идеальным и фактическим.

Во-вторых, вновь возвращаясь к М. Веберу, отмечу: я сомневаюсь в том, что выделенные «типы рациональности» действительно являются «идеальными типами» в том смысле, как их понимал сам М. Вебер. Как видно из ответа М.С. Гусельцевой и из вышесказанного в этом комментарии, «типы рациональности» оказываются довольно неясным конструктом. Помимо того, что они по-разному определяются в контексте «внешней» и «внутренней» динамики, сами «типы рациональности» В.С. Стёпина работают в подходе М.С. Гусельцевой «по принципу метафорического конструкта: это авторизированный перевод философского и общенаучного знания в психологию» (Там же, с. 86). В своей мо-

нографии М.С. Гусельцева однозначно пишет: «Используемые нами понятия – будь то “методологическая оптика” или “идеальный тип” – при строгом рассмотрении представляют собой не что иное, как метафорические конструкты» (Гусельцева, 2013б, с. 15). В общем, это рассматривается как достоинство, а не недостаток: «*В постнеклассической рациональности в отличие от неклассической смещение и смешение терминов предстает не столько грехом, сколько “разведывательным” экспериментальным приемом*. Понятия умышленно превращаются в метафоры» (Там же, с. 94), а метафора, в свою очередь, «поддерживает плавающие, изменяющиеся, неопределенные определения (оксюморон!)» (Там же, с. 103). Но как указывал сам М. Вебер в приведенной М.С. Гусельцевой цитате, идеальные типы должны быть сконструированы как можно резче и однозначней. Приведу его похожие слова: «Чем отчетливее и однозначнее конструированы идеальные типы, чем дальше они, следовательно, от реальности, тем плодотворнее их роль в разработке терминологии и классификации, а также их эвристическое значение» (Вебер, 1998, с. 623–624). Иными словами, идеальные типы не должны быть метафорами, смысл которых «плавает». Они должны быть определены четко и однозначно: это относится и к типам рациональности. В монографии М.С. Гусельцева говорит о возможности проведения четких граней между типами рациональности, если их понимать как идеальные модели. Но задача четких определений не в простом перечислении различий (которое в работе приводится, хотя и сосредоточено в основном на различиях между неклассическим и постнеклассическим типами рациональности, оставляя классическую рациональность несколько в стороне). Различия могут добавляться или убираться, как, например, в случае с триадой «тезис – антитезис – синтез», добавление которой было охарактеризовано как «всего лишь мазок, возможно, как думается теперь, не самый удачный» (Гусельцева, 2014, с. 85), поэтому необходимость в четких определениях сохраняется (и четкое определение не тождественно описанию, перечислению характеристик и сравнению). Вероятно, ответ кроется в том, что само понятие «идеальный тип» также было реинтерпретировано...

ЭКОНОМИЧНОСТЬ

В этом месте я чувствую необходимость кратко высказаться по поводу трехчленной схемы «синкрет – дифференциация – синтез» и двух механизмов, которые лежат в ее основе (дифференциация и интеграция) (Гусельцева, 2013б, с. 178). И я это сделаю, обратившись к наследию советской философии науки[4].

Свой впечатляющий трехтомный труд (вновь триада!), посвященный проблеме классификации наук, Б.М. Кедров (1961) предваряет общими рассуждениями о развитии науки, в котором он выявляет две противоположные тенденции: *интеграцию* и *дифференциацию* знаний. Согласно ему, эти тенденции не просто сменяют друг друга, а сосуществуют на всех исторических этапах развития знания (их, следуя Ф. Энгельсу, Б.М. Кедров выделяет три: «непосредственное созерцание нерасчлененного целого – анализ – синтез»). Одна тенденция может преобладать над другой, но никогда одна не вытесняет другую полностью, более того, они могут взаимно

[4] В своем ответе М.С. Гусельцева сетует на избыточные ассоциации с советской философией науки, которые у меня возникли в связи со схемой «тезис – антитезис – синтез». Ничего не могу поделать с тем, что разговоры об интеграции и дифференциации научного знания вновь обращают мои мысли к ее наследию. Могу только заверить, что по отношению к советской философии науки лично я испытываю теплые чувства, и если какие-то идеи современности оказываются с ней связаны, то это, как правило, повышает для меня их ценность, а не уменьшает ее.

усиливать друг друга, как это происходит в настоящее время, когда «*дифференциация наук* становится теперь не только предпосылкой для их интеграции, но и составным элементом *интеграции*» (Кедров, 1961, с. 14). Иными словами, Б.М. Кедров явным образом фиксирует как два механизма, так и три этапа, о которых идет речь в монографии М.С. Гусельцевой при обсуждении модели В.С. Соловьева.

В данном пункте меня не интересует приоритет в высказывании той или иной идеи (он не принадлежал ни В.С. Соловьеву, ни Б.М. Кедрову). Более того, я не буду повторять свои размышления об ограниченности диалектической триады в контексте описания развития научного знания. Я лишь хочу обратить внимание, что описание развития научного знания посредством этих механизмов и посредством этих этапов совершенно *не требует обращения* к типам рациональности. Что добавляет искусственное соединение «классической рациональности» с «синкретом», «неклассической рациональности» с «дифференциацией», а «постнеклассической рациональности» с «синтезом»? Оно лишь уменьшает ясность модели. И вносит путаницу. Берется хорошо известная модель и в нее искусственно инкорпорируются типы рациональности. На каких основаниях, например, классическая рациональность соединяется с «синкретом»? Напомню, что синкрет характеризуется как «некое нерасчлененное целое» (Гусельцева, 2013б, с. 181), но классическая рациональность совершенно не препятствует процессам дифференциации и интеграции (дифференциация наук и их начальная интеграция происходят «внутри» этапа классической рациональности). Замечу, здесь я говорю исключительно о «внешней» динамике. При переходе во «внутреннее» пространство проблема остается: в чем «синкретичность», например, начального этапа развития ассоциативной школы и какое отношение имеет к этому классическая рациональность?

Это, в общем, вопросы риторические, поскольку формальный ответ на них я уже получил: в этом случае одни идеи интерпретируются посредством других, что является достойной похвалы эвристикой. И экономичность, к которой я взываю, постнеклассической науке чужда: «Бритва Оккама, которая хороша для классического типа рациональности, не годится для постнеклассического» (Гусельцева, 2013а, с. 8). Впрочем, я подобные ответы убедительными признать не могу, видимо, будучи пойман в тенета той самой классической рациональности[5].

ВСЕ МЫ ТЕПЕРЬ ЦИРКАЧИ[6]

Общий недостаток моих комментариев М.С. Гусельцева обозначает термином «*ошибки интерпретации*». В этом ключе она приводит слова М.К. Мамардашвили: «Простите, я не о том говорю», которые «связаны с задачей как можно лучше понять автора» (Гусельцева, 2013б, с. 93). Позволю себе привести ее слова дальше (в ответе на мои комментарии про это не сказано): «Но в том-то и дело, что это лишь одна задача исследования. Потому что, с другой стороны, существует феномен “Автор и словно не автор” – где мы сознательно переиначиваем, перетолковываем, искажаем. Это другая исследовательская задача» (Там же). В постнеклассической рациональности присутствует «шизоидность»: «Если в классическом и неклассическом типах рациональности было принято анализировать концепцию, помещая ее в четкую систему координат,

[5] На мой взгляд, именно отсутствие (а зачастую сознательное изгнание) ясности, точности и экономичности мысли привело к тому, что «тропа научного знания и околонаучного шарлатанства в постнеклассической рациональности сделалась особенно скользкой» (Гусельцева, 2013б, с. 89).

[6] Ассоциации с цирком вызваны исключительно термином «эквилибристика», который в прямом значении обозначает жанр циркового искусства.

то наступившая эпоха интерпретаций разрушила границы и дала свободу трактовкам» (Там же, с. 89). В этом ключе как могу я принять упреки в том, что я обсуждаю не представления М.С. Гусельцевой «о периодизации психологического знания посредством типов рациональности, а по сути дела собственную конструкцию этих представлений» (Гусельцева, 2014, с. 90)? Конечно! Ведь в постнеклассической рациональности и быть иначе не может! И это не столько не недостаток, сколько достоинство моих комментариев, и все упрощения и допущения, расставленные акценты и новые внесенные смыслы, игнорирования и приписывания – лишь эвристические игры, в которых я пытаюсь найти место своей субъективности. И почему мои игры вызвали неловкость, коль скоро одним из атрибутов постнеклассической рациональности является толерантность? И почему «защищая собственную исследовательскую позицию, на критику следует незамедлительно отвечать» (Гусельцева, 2014, с. 81), если в постнеклассической рациональности царит аксиология повседневности: «...насыщенно жить в настоящем, делать дело, которое считаешь истинным, и его плоды прорастут, а вот беспокоиться и хлопотать об их проращивании не надо» (Гусельцева, 2013б, с. 109). Как указано, не в постнеклассической, а в менее «прогрессивной» неклассической рациональности, «есть неявная установка, что надо “отстаивать” идеи» (Там же).

Таким образом, я не могу принять упреков в том, что обсуждаю собственную интерпретацию, поскольку свобода трактовок в обращении с чужими концепциями есть легитимная постнеклассическая эвристика, достойная похвалы.

КЛАССИЦИЗМ

Возвращаясь в «объятия» классицизма, подведу итог. Я не нахожу в своей интерпретации указанных М.С. Гусельцевой ошибок.

1. Я не приписываю ее модели критериев В.С. Стёпина. В своих комментариях я в конце суммировал свою критику в четырех пунктах. Лишь в третьем из них «проскальзывает» упоминание В.С. Стёпина, и касается того, что схема «тезис – антитезис – синтез» лишает содержания концепцию развития научного знания посредством смены типов рациональности. Схема «тезис – антитезис – синтез» выхолащивает содержание типов рациональности, как бы они ни понимались, просто потому, что, как я указывал, «подменяет понятия с бóльшим содержанием, но меньшим объемом (классический, неклассический и постнеклассический типы рациональности) понятиями с меньшим содержанием, но бóльшим объемом (тезис, антитезис, синтез)» (Фёдоров, 2014, с. 99). Этот упрек применим к типам рациональности как в концепции В.С. Стёпина, так и в авторской концепции М.С. Гусельцевой.

2. Мне не до конца понятен упрек в том, что я игнорирую контекст культурно-аналитического подхода, но если это означает, что мне следует интерпретировать статью в контексте того, что в ней легитимны различные практики постнеклассической рациональности (пресловутая эквилибристика и пр.), то такие обязательства я на себя брать не должен (даже согласно критериям самой постнеклассической рациональности).

3. Акцент на триаде «тезис – антитезис – синтез» следует из того, как была написана статья и как *в ней* были расставлены акценты. Этот принцип вынесен в аннотацию, которая предположительно описывает основные положения статьи; этот принцип фигурирует в названии раздела статьи («Три типа рациональности: тезис – антитезис – синтез)»; во многом в терминах этой триады строится сам текст. Более того, я как минимум учитываю, что «тезис» понимается как установление канона, а антитезис – как его критика. В любом случае, то, как я расставляю акценты,

обусловлено не моим стремлением исказить авторскую концепцию М.С. Гусельцевой, а тем, как была выстроена статья.

4. Я не постулирую тождества между идеальными моделями и реальным историческим процессом. Напротив, я отчетливо осознаю различия между ними, что позволяет мне видеть фактические ошибки в *демонстрации* описания реальной психологической истории в терминах конкретной модели. Более того, как уже писал, процедура сопоставления идеальной модели с реальной историей не защищена от проверки фактами. Также укажу, что сами типы рациональности в концепции М.С. Гусельцевой являются скорее метафорическими конструктами, нечетко определены и меняют свое содержание при переходе от «внешней» динамики к «внутренней». Эти характеристики делают затруднительным описание их как «идеальных типов», которые должны быть определены четко и однозначно.

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ. СТИЛИ И ЖАНРЫ

В науке представлены не только разные интеллектуальные стили, но и разные жанры, которые предъявляют свои требования тем, кто решил к ним прибегнуть. Свой ответ М.С. Гусельцева завершает признанием, что ей близка позиция П. Фейерабенда, а ее исследовательский стиль балансирует на грани провокативности. Будет правильно, если свой комментарий я тоже завершу признанием: мне тоже близка провокативность (отчасти эта черта связана и с выбором жанра «комментарий к статье»), а стиль и свободомыслие П. Фейерабенда всегда были мне симпатичны[7]. И если мои комментарии показались излишне скрупулезными, то это было связано с тем, какие ограничения, на мой взгляд, накладывает жанр комментария. Автор оригинальной статьи может позволить себе быть романтиком и строить теории, которые могут быть неточны в деталях. Но комментатор чужих построений берет на себя обязательство как можно внимательней отнестись к предложенной картине и учесть те ее недостатки, которые, возможно, не были учтены автором. Комментируя чужие идеи (и неизбежно интерпретируя их), мы должны быть как можно внимательнее к деталям и частностям. Красота теории часто не позволяет автору увидеть, что его теория может в некоторых пунктах или в целом быть ошибочной. Эстетика пронизывает всю деятельность человека, в том числе и науку. И красота теории – важный параметр, по которому теории следует оценивать. Важный, но не единственный. Иными словами, красота теории не является достаточным критерием ее истинности, и история полна примеров красивых теорий, которые оказались ложными. Более того, как оценить красоту теории? Я бы связал красоту с простотой, но, возможно, в постнеклассической рациональности красивая теория должна быть сложной. Мне близко следующее мнение В.Ф. Гершанского (высказанное, правда, по поводу физических теорий, но я не сторонник барьеров между науками): «...теория некрасива, если гармония между частным и общим достигается в ней на чисто количественной (формальной) или чисто качественной (содержательной) основе, иначе говоря, – если для нее характерен формалистический (“игра в формулы”)

[7] Чтобы это признание не было голословным, позволю себе привести ссылку на свое мнение о П. Фейерабенде, которое я выразил на страницах форума журнала «Методология и история психологии» в 2012 г.: http://mhp-journal.ru/forum/viewtopic.php?f=2&t=23&p=499&hilit=%D1%84%D0%B5%D0%B9%D0%B5%D1%80%D0%B0%D0%B1%D0%B5%D0%BD%D0%B4#p499. В частности, там я говорю следующее: «Урок Фейерабенда: будь неортодоксальным, будь революционером в науке! Хороший урок. Так уж случилось, что быть революционером в современной психологии – значит, быть сторонником классической “жесткой” науки».

или вербалистический (“игра в слова”) подход» (Гершанский, 2000).

Возвращаясь к жанру комментария конкретной статьи, снова хочу обратить внимание, что мой первый комментарий был обращен исключительно к одной статье и идеям этой статьи. Я не критиковал культурно-аналитический подход в целом и не мог позволить себе быть небрежным в деталях.

Завершу своим согласием с тем, что несоответствие «интеллектуальных стилей нередко служит препятствием для адекватного восприятия концепции полярного исследовательского стиля» (Гусельцева, 2014, с. 82)[8]. Соглашусь и дополню. Несоответствие интеллектуальных стилей зачастую является лучшим способом проверить теорию: на мой взгляд, одним из главных признаков «хорошей» теории является ее способность выдержать проверку как классиков, так и романтиков.

1. *Вебер М.* Избр. произв. М.: Прогресс, 1990.
2. *Вовенарг Л. де К. де.* Введение в познание человеческого разума. Фрагменты. Критические замечания. Размышления и максимы. Л.: Наука, 1988.
3. *Выготский Л. С.* Исторический смысл психологического кризиса // Собр. соч.: В 6 т. Т. 1: Вопросы теории и истории психологии / Под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского. М.: Педагогика, 1982. С. 291–436.
4. *Гершанский В.Ф.* Эстетический аспект в физической теории микромира // Вестн. НовГУ. 2000. № 16. URL: http://admin.novsu.ac.ru/uni/vestnik.nsf/all/39D41CA0035B5B5AC3256AC000209342/$file/Gershanskiy.pdf (дата обращения: 10.05.2014).
5. *Гусельцева М.С.* Ловушки редукции, или О разнообразии интеллектуальных стилей как предпосылках интерпретации // Вопр. психол. 2014. № 2. С. 81–92.
6. *Гусельцева М.С.* Типы рациональности как основание для периодизации психологического знания // Вопр. психол. 2013а. № 4. С. 3–15.
7. *Гусельцева М.С.* Эволюция психологического знания в смене типов рациональности. М.: Акрополь, 2013б.
8. *Кедров Б.М.* Классификация наук. I. Энгельс и его предшественники. М.: Изд-во ВПШ и АОН при ЦК КПСС, 1961.
9. *Фёдоров А.А.* Об иррелевантности истории психологии и философии науки (комментарий к статье М.С. Гусельцевой «Типы рациональности как основание для периодизации психологического знания») // Вопр. психол. 2014. № 1. С. 98–105.

Поступила в редакцию 13. VI 2014 г.

[8] При этом снова замечу, что скрупулезность моих комментариев, на мой взгляд, относится скорее к жанровым, а не стилистическим особенностям, а свой интеллектуальный стиль я бы охарактеризовал как смешанный.